

Библиографические ссылки на источники

1. Левинас Э. Избранное: Тотальность и бесконечное. М.; СПб., 2000.
2. Тоффлер Элвин. Шок будущего. М., 2008.
3. Хайдеггер М. Бытие и время. СПб., 2006.
4. Campbell Joseph Myths to live by. NY., 1972.
5. Chomsky Noam New Horizons in the Study of Language and Mind. Cambridge, 2000.
6. Davidson Donald Truth, Language and History. Oxford, 2005.
7. Giles Gunn Moral Order in Modern Literature and Criticism / Art / Literature / Religion: Life on the Borders (edited by Robert Detweiler). California, 2005.

ФЕНОМЕН ИСТИНЫ: НИСПАДЕНИЕ И ТРАНСЦЕНДЕНЦИЯ

К. И. Потапова

*магистрант Департамента философии Института
социальных и политических наук Уральского федерального
университета имени первого Президента России Б. Н. Ельцина,
Екатеринбург*

В данной статье будет предложен общий взгляд на проблему истины. Мы рассмотрим сам феномен в двух его проявлениях: как он есть сам по себе (здесь, впрочем, весьма сложно говорить о полном объективном анализе, ибо явление нам не дано непосредственно, только опосредованно, а значит с какой-то стороны и только) и как он проявляет себя «в массе», то есть ниспадает до правды и мнения. Также мы предложим вариант возврата к истине, обозначив его трансценденцией.

Сначала мы сосредоточим свое внимание как раз таки на так называемой общей теории истины. Под этим термином понимается объединение существующих концепций на основании общности предмета исследования. Посредством такого единения мы сможем вычленить самую суть феномена как пересечение взглядов, а также посмотреть противоречия как разные стороны общего целого. Эта процедура носит весьма умозрительный характер.

Далее: истина есть истинность чего-то. Субъект, определяющий истинное таковым – человек, поэтому для нас имеет исключительную важность не столько спекулятивные упражнения, сколько момент схватывания – рассеивания истины в повседневном существовании индивидов. Именно этому схватыванию – рассеиванию и будет посвящено наше дальнейшее исследование. В данном случае под практикой, в которой и реализуется это схватывание – рассеивание

понимается не что иное, как сфера повседневного существования человека.

Итак, мы переходим к анализу феномена истины. Удивителен тот факт, что в естественном языке преобладает понятие правда, а в философском – истина. Правда же есть соответствие слова изреченного слову внутреннему, то есть мысли, соответствие мышления говорению. Истина – соответствие высказывания действительности, тогда как относительно правды можно сказать, что это – соответствие высказывания убеждению. Сам язык говорит нам об истине как о несокрытости, ясности вещи нашему взору. Здесь она не может казаться, она есть. В конечном итоге, мы, в некотором смысле, возвращаемся к Аристотелю с Фомой: истина как соответствие, ясность, прозрачность, то, что есть. Безусловно, мы не будем говорить о существовании Истины как Божества, истина – это человеческое понятие для обозначения отношения. Является ли оно всеобщим? Или у каждого своя истина? В любом случае, черное есть черное, и только человек в измененном состоянии сознания скажет иначе, остальные вариации ответа, так или иначе, будут сводиться к одному. Так происходит всегда, когда мы говорим о мире.

Также истину часто отождествляют со знанием, но это отношение нельзя понимать как тождество: знание подразумевает истинность. Можно заблуждаться, но нельзя утверждать, что мы знаем ложь. Далее, не всякая истина является знанием. Здесь мы приходим к важному моменту, первостепенной характеристике знания – передаваемости. Если же истина не передана, она не есть знание в собственном смысле слова, так как не выполняется функциональное расположение знания. Таким образом, соотнося понятия истина и знание, стоит отметить, что «истина» шире знания, но понятие знание более содержательно.

Со времен Античности существовало особое отношение между истиной и благом, тем не менее, объективная истина обладает иной ценностью, нежели благо и красота. Дело в том, что для истины как объективного соответствия неважно, какую ценность она несет: положительную или отрицательную.

Стоит также отметить момент безотносительности истины ко времени. Истина – соответствие, актуальное в любой момент времени. Истина есть абсолют, условие, адекватное вне зависимости эпохи; действительно, понимаемая как соответствие, устанавливаемое посредством мышления, она несменна в рамках одной парадигмы законов этого мышления.

Говоря о любой теории, стоит иметь в виду, что теория описывает идеализированные объекты, поэтому некоторые теории являются материально неадекватными. Так, например, нет в природе идеального газа или материальной точки, поэтому все стройно

выстроенные конструкции чистого умозрения дают сбой при обращении к практике. Вообще же, существует несколько концепций истины:

1. Корреспондентная теория истины; здесь истина понимается как соответствие высказывания действительности. Эта классическая теория, разработанная еще Аристотелем, имеет силу и сегодня. В большинстве случаев она и принимается за единственно верную (мы могли проследить это на примере произведенного историко-философского анализа);

2. Когерентная теория истины; истина есть согласование, истина – то, что согласовано с остальными членами группы;

3. Прагматическая концепция истины: истинно то, что полезно как таковое, то, что расширяет наш опыт, то, что целесообразно ему;

4. Конвенциональная теория истины: рождается на стыке 2 и 3. Истина как согласованная польза для расширения опыта;

5. Семантическая концепция истины: основана на 1. Истина как соответствие знака обозначаемому.

Таким образом, в общем смысле, основными концепциями можно считать корреспондентную (Аристотель), когерентную (в каком-то смысле часть Средневековой философии) и прагматическую (софисты). И снова, все предложенные концепции относятся не к истине как таковой, а к истинности. То есть, мы говорим, что истина есть истинность чего-то, имеет свое воплощение лишь относительно чего-то, применительно к чему-то. Так или иначе, эти концепции предстают перед нами как гносеологические компоненты. Истины в своей сути они не касаются прямо. Таким образом, их можно считать лишь формальными определениями. Если же полемику перенести в сферу межличностную, интересубъективную, что тогда будет для нас истина? Ни мнение одного оппонента, но найденное в сокрытости, выведенное светом поисков из тени мнения соглашения.

Так, мы можем говорить о том, что проблема истины в общем смысле распадается на два содержательных момента: формальный (в отношении к миру, познания его) и неформальный (интерсубъективность), любопытно то, что в обоих случаях истина – нечто установленное, принятое за образец, в первом случае – множеством индивидов относительно того, что внешне; во втором случае – истина есть уникальность, открывающая себя далеко не каждому, но способная быть открытой в ходе совместного действия (на равных условиях).

Как все-таки быть с положением о множестве истин? Каждый человек имеет свою точку зрения на определенное событие, неужели все они являются верными (=истинными)?

Ответ на этот вопрос весьма прост: каждый человек имеет не более чем мнение относительно чего-либо. Мнение же характеризуется недостаточностью оснований, как нечто, «недотягивающее» до истины, как правда. Интересно, что δοξα – и слава, и мнение одновременно. Слава же здесь понимается как огласка, что гласит себя, не обязательно есть на самом деле, это есть видимое всем, выставляемое на показ. То же и мнение – то, что видимо, очевидно. Мнения – совокупность неполных очевидностей о чем-то.

Таким образом, мы можем заключить, что есть истина как полнота знания и мнение как частичность оного. Однако почему же так происходит, вопрос остается открытым. Причин может быть несколько: главная из них – ограниченность человека, которую мы охарактеризуем как множественную, ибо человек ограничен временем в жизни, способностями в познании и так далее. Поэтому его взору крайне редко доступно даже происшествие со всех сторон: подлинности причин (или беспричинности), целей, средств, результатов и прочее. Второе: а хочет ли сам человек видеть со всех сторон? «Во многой мудрости много печали» [2, 1:18] – писал Екклесиаст – незнание порождает беспечность. Здесь происходит как бы двоякое противление:

- 1) истина не открывается каждому, но лишь в поисках и работе разума;

- 2) не каждый хочет открыть ее для себя, ведь с тем, что есть проще, чем с тем, чего не знаешь. Неизвестность пугает, отталкивает от себя как возможно худшее. Эта подвешенность в повседневности желает остаться с тем, что есть, нежели пойти навстречу переменам, ведь, возможно, последствия их будут плачевными.

Так, мы приходим к бытовому (а этого вполне достаточно для существования без просветов) нисхождению истины во мнение, однако, ошибочно именуемое так же истиной.

Чуть ранее мы мимолетно коснулись темы неопределенности, настало время подробнее поговорить об этом. Неопределенность внушает страх (онтологический). Итак, страх выступает как экзистенциал, содержащий в своей глубинной сущности «беспочвенность и предметную неопределенность» и представляющий собой «выходящее наружу чувство тревожности как таковой» [1, с. 91–92]. По Кьеркегору и Хайдеггеру, страх ставит человека перед бездной небытия. Это событие, которое происходит на границе внешнего предметного мира и Сверх-Я. Страх для Хайдеггера – «это томление, впавшее во внутреннее, мирское» [5, с. 141]. Сартр считал, что человек осознает свою свободу в тревоге. «Тревога – способ бытия свободы как сознание бытия» [3, с. 158].

Однако возможен и иной вид страха, когда никакой реальной опасности нет; это страх человека перед самим собой.

Головокружение у края бездны начинается со страха, а затем рождает тревогу. Страх сопутствует человеческой жизни. Экзистенциальный страх нельзя ни вылечить, ни изжить. Действительное восхождение к достойному бытию обеспечивается такими феноменами, как «страх», «экзистенциальная тревога», «тошнота», «скука». Феномен страха связан с тем, как сознание относится к подсознанию и сверхсознанию [4, с. 275].

Таким образом, согласно экзистенциальной философии, страх делает то, чего не может достичь человеческое волнение. Страх сродни головокружению от созерцания пустоты, бездны между собой и миром, и при этом головокружении человек теряет ложную уверенность в незыблемости повседневных связей и отношений, ощущает отторжение от них, выявляет собственную покинутость и обретает экзистенциальную свободу именно благодаря прохождению через страх или (что не менее приемлемо) страх проходит сквозь человека. Путь к высокому (трансцендентному) лежит через страх. Таким образом, можно отметить, что страх, приоткрывая завесу трансцендентного, заставляет человека видеть во мнении именно мнение, а не считать его истиной. Сама же истина, как нечто сокрытое, выступает как раз в момент встречи с «Ничто», которое и является предметом страха.

Действительно, истина сама по себе, выступая неподдельным основанием, пугает своей неизвестностью. Она не есть в обыденной нашей жизни, доступна лишь в моменты, охарактеризованные Ясперсом как «пограничные ситуации», она есть бытие и ничто, открываемые в кризисном положении и пугающие, угрожающие повседневному существованию, ведь знание истины указывает на заблуждения.

Библиографические ссылки на источники

1. Больнов О. Ф. Философия экзистенциализма. СПб., 1999.
2. Ветхий Завет. Книга Екклесиаста.
3. Сартр Ж.-П., Камю А. Две грани экзистенциализма. СПб., 2000.
4. Фрейд З. Остроумие и его отношение к бессознательному / Пер. Я. М. Коган, М. В. Вульф. Мн., 2003.
5. Хайдеггер М. Бытие и время. СПб., 2002.